

УДК 94(571.1/5)«19/20»
DOI: 10.17223/19988613/64/7

И.В. Нам, Н.И. Наумова, В.Ю. Рабинович

«БЫТЬ ЕВРЕЕМ»: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ СИБИРСКИХ ЕВРЕЕВ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.*

На основе анализа широкого историографического материала рассматриваются механизмы и практики институционализации этничности сибирских евреев в условиях революции и гражданской войны. Показано, что иницилирующей и мобилизующей силой выступали сионистские партии и Бунд. Центральное место занимал вопрос о демократической реорганизации еврейской общины, которой предназначалась роль «ядра» в системе национального самоуправления, формирующегося на основе культурно-национальной автономии.

Ключевые слова: Сибирь; евреи; институционализация; идентичность; этничность.

Феномен «этничности» (этнической идентичности), ее формирование и трансформации представляют собой важную исследовательскую задачу. Несомненный интерес для изучения представляет переход от конфессиональной идентификации, привычной для словесного устройства Российской империи, к этнической, ставшей одной из примет новейшей истории российского государства в позднеимперский период. Свои особенности имели в этот период идентификационные процессы в сибирском переселенческом обществе, формирующемся как часть общества сословного, традиционалистского, вступающего в эпоху модернизации. Массовые миграционные процессы XIX – начала XX в., как добровольные, так и принудительные, имели своим результатом увеличение этнической гетерогенности населения Сибири и формирование этнических диаспор. Чтобы выжить в новых условиях, успешно адаптироваться в чуждой социокультурной среде, мигрантам недостаточно было рассчитывать только на собственные силы. Адаптация к новым условиям проживания и интеграции в сибирский социум диктовала необходимость групповой консолидации, выбора в пользу диаспорных стратегий адаптации. Не менее важными были ценности идентификации – конфессиональной и / или этнической. «...Сибирский еврей не набожен: он редко ходит в “молельню”, торгует по субботам, а некоторые даже по праздникам, если последние совпадают с базарными днями, постов он также не соблюдает, но он все же упорно добивается, чтобы его мальчик знал “что-нибудь” по-еврейски...» [1. С. 26]. Суровые условия Сибири меняли заскорузлые обычаи, но не отменяли этнической сути.

Понятиями «этническое» и «этничность» обычно обозначают социальные категоризации, основанные на признаках языка, культуры, происхождения и т.п. Общей чертой, связывающей все интерпретации этничности, является ее групповое измерение – этничность рассматривается как «атрибут определенного сообщества людей, и уже в силу этого – как черта отдельно

взятого индивида» [2. С. 202]. В рамках эссенциалистского подхода этничность возводится либо к природе, либо к истории и рассматривается как сущностное свойство индивида, изначально ему присущее. В конструктивистской традиции, получившей широкое распространение в последние пять десятилетий, этничность предстает как «маркер различия, *знак*, вокруг которого организуются любые различия – от биологических до социальных. Те или иные характеристики, отличающие одних индивидов от других (расовые, антропологические, языковые, культурные), выступают как *символ*, по отношению к которому могут выстраиваться социальные различия» [3. С. 115].

В символическом производстве этничности выделяется два уровня – дискурсивный (нарративный), обеспечивающей трансляцию совместного опыта, который обозначается в исследовательской литературе как «коллективная память», и недискурсивный, имеющий дело с визуальными, аудиальными и тактическими образами (национальная музыка, кухня, архитектура, детали одежды и внешнего облика, особенности диалекта и пр.), с помощью которых производится (конструируется) определенная этническая идентичность. Грань между этими измерениями в символическом производстве этнически размыта. Промежуточным звеном между ними является *религия* [3. С. 124–128].

При изучении процессов, связанных с актуализацией и политизацией этничности, перспективным является неoinституционалистский подход, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство группы, сколько создают саму группу с ее идентичностью, интересами и прочими атрибутами. Значение этничности как политического фактора определяется тем, «как этничность институционализована», а институционализация этничности осуществляется множеством агентов – общественными движениями, государственными структурами, этническими активистами, академическим сообществом. Под механизмами институционализации этничности пони-

мается определенная «совокупность практик, в том числе дискурсивных» [2. С. 203–204].

В настоящей статье предпринимается попытка анализа механизмов институционализации этничности в сибирском переселенческом обществе на примере евреев, переселявшихся в Сибирь в течение трех столетий. К началу XX в. по путям прихода в Сибирь евреи подразделялась на следующие группы: ссыльные всех категорий; потомки евреев-земледельцев, приехавших в Сибирь в 1836 г., и отставных николаевских солдат, которым в 1867 г. было разрешено селиться вне черты еврейской оседлости; евреи привилегированных сословий (купцы 1-й и 2-й гильдий и лица с высшим образованием), еврей-ремесленники [1. С. 84; 4. С. 20], а также выселенцы и беженцы, оказавшиеся в регионе в годы Первой мировой войны.

Права евреев в Сибири российским законодательством ограничивались в двух направлениях – запрещение въезда в Сибирь¹ и введение для них в 1896 г. специальной черты оседлости². Местом постоянной оседлости считался тот город или село, к которым они или их предки были приписаны. Введение «сибирской черты оседлости» повлекло за собой периодически повторявшиеся массовые выселения евреев из мест, где они провели большую часть жизни, имели «домо-обзаводство», в места их приписки [5. С. 88; 6. С. 79]. Правовые ограничения в передвижении и занятиях определяли выбор преимущественно городских профессий и сфер занятости – привычную для них роль «торгового меньшинства». Обладая большим опытом торгового посредничества, евреи сумели закрепиться на торговом рынке Сибири. Другой сферой их деятельности стала золотодобыча, преимущественно мелкая, золотничная. Немало евреев сколотили в Сибири значительный капитал, заняли ведущие позиции в ряде отраслей экономики, особенно в Восточной Сибири, и были допущены в общество, несмотря на ограниченность в правах [5. С. 88; 7. С. 14; 8. С. 30–31]. Но ограничения в передвижении пределами волости и уезда, которые евреи не могли покидать без специального разрешения, затрудняли их адаптацию в сибирском социуме. Вместе с тем эти ограничения выполняли консолидирующую функцию, объединяя всех евреев в особую группу, нуждающуюся в специальных институтах для защиты их интересов.

Успешность групповой стратегии адаптации (диаспорализации) для евреев была обусловлена главным образом тем, что жизнь в диаспоре была для них нормой и до переселения в Сибирь. Проживая компактными этноконфессиональными анклавами в черте оседлости, они накопили к моменту переселения за Урал большой опыт проживания в диаспоре, который перенесли и в Сибирь. В отсутствие устоявшейся культурной среды и традиционных институтов, консервирующих национальную жизнь, сибирские евреи показали пример успешной инкорпорации в сибирскую субкультуру. Современники отмечали, что к началу XX в. «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыне пробита заметная брешь» [9. С. 16], объясняя это тем, что «Си-

бирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превратить в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев» [10. С. 363]. В условиях доминирования русского языка и культуры «осибирячивание» евреев происходило без глубокой трансформации культурных норм. Предпосылкой этому был выбор именно групповых стратегий консолидации, благодаря чему они сформировали в Сибири устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм [11. С. 263]. Самыми многочисленными были еврейские общины в Томске и Иркутске (таблица)

Численность еврейского населения в городах Сибири и Дальнего Востока в 1910 г. (по данным ЦСК МВД) [12]

Города	Евреи	
	Количество	%
Тобольск	1 157	5,5
Курган	107	0,4
Тюмень	315	1,0
Томск	5 984	5,6
Каинск	1 608	25,8
Новониколаевск	642	1,2
Красноярск	1 665	5,4
Иркутск	5 072	6,7
Якутск	378	4,7
Верхнеудинск	1 202	7,9
Хабаровск	610	1,5

С середины XIX в., когда в Сибири возникают официально разрешенные синагоги и молитвенные школы, а общинная жизнь приобретает устойчивый характер, вплоть до конца XIX в. жизнь еврейской диаспоры была сосредоточена вокруг традиционных конфессиональных институтов (синагоги, духовные правления, богадельни, талмуд-торы). Обращение к традиции – закономерный этап развития диаспоры. Религия была «носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории... механизмом связи с исторической родиной» [11. С. 263]. На этой стадии община как социальный институт выполняла интегрирующую функцию – как «институт взаимопомощи, школа самоуправления, культурный очаг» [13. С. 39, 46, 53]. Имея значительное влияние, община в действительности не представляла всех евреев, поскольку право выбора ее руководящих органов имела небольшая, наиболее состоятельная часть ее членов. Поэтому к концу XIX в. часть еврейского населения, преимущественно представители интеллигенции, стала высказываться за необходимость реформирования общины, превращения ее из религиозного в национально-демократическое объединение [14. С. 289].

В системе общинных институтов ключевая роль принадлежала церкви, которая создавала инфраструктуру для обслуживания нужд общины – религиозные, благотворительные, культурные, образовательные организации. К началу XX в. молитвенные дома и синагоги действовали в Томске, Омске, Мариинске, Каинске, Татарске, Барнауле, Новониколаевске, Нижнеудинске, Иркутске, Красноярске. Одну из основ общинной жизни евреев составляла благотворительность, предписываемая и регламентируемая еврейским религиозным

законом – Галахой. В Томске благотворительное общество имело уже в 1886 г., в 1887 г. открылась еврейская богадельня, в 1911 г. на средства купца И.С. Быховского был построен дом призрения престарелых и бедных евреев, устроенный по образцу домов призрения Германии, он считался одной из лучших богаделен Сибири. В Иркутске действовали Общество призрения престарелых евреев (1905), Благотворительное общество помощи еврейскому ссыльному элементу (1907), Благотворительное общество пособия бедным евреям (1909), Общество охранения здоровья еврейского населения. Общества пособия бедным евреям имелись в Красноярске, Енисейске, Канске и Ачинске, во Владивостоке [6. С. 81; 15. С. 165; 16. С. 323–326; 17. С. 144–150]. Они выделяли денежные пособия, предоставляли приют, иногда работу, помогая одеждой, едой, оказывая медицинскую помощь, устраивая престарелых и неимущих в богадельни, малолетних – в сиротские дома, убежища, училища.

По инициативе общины и под ее патронатом создавалась в Сибири еврейская школа как социальный институт. До середины 1870-х гг. еврейские дети получали национальное образование в талмуд-торах – начальных бесплатных школах для бедных и осиротевших мальчиков, в которых все преподавание сводилось к обучению беглому чтению по молитвеннику. Изучение еврейского языка преследовало преимущественно конфессиональные цели. Русский язык не преподавался вовсе или преподавался бессистемно «случайными» лицами, например учениками местных гимназий, как это было в Иркутске. Несмотря на примитивность обучения в талмуд-торах, они послужили исходной базой для открытия полноценных начальных национальных школ [16. С. 311–312]. Содержались дореволюционные еврейские школы за счет частных пожертвований, доходов от благотворительных вечеров, спектаклей, концертов и т.п.

С разложением к началу XX в. сословного строя в его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью этого процесса становится формирование этнической идентичности. Наряду с конфессиональными социальными институтами создаются светские культурные организации, самостоятельное значение приобретает язык, возникает национальная школа, формируется представление об общности исторической судьбы. Процессы диаспорализации в сибирском переселенческом обществе приобретают этническую окраску. Происходит институционализация этничности – «вызревание этнических диаспор... как культурного феномена» [11. С. 266].

Очевидно, что подобный переход не мог произойти сиюминутно. По сути, на протяжении всего XIX в. многие представители и власти, и элиты, и оппозиции искали возможные составляющие национальной идентичности, признавая тем самым, что сословно-конфессиональное деление государства уже «не работает». Неслучайно премьер-министр П.А. Столыпин предпринимает в 1909 г. попытку введения в закон о выборах национального идентификатора вместо сословного [18. С. 102–103].

На первый план выходит светская, современно образованная элита – учителя и преподаватели, журна-

листы, профессура, лица свободных профессий, предприниматели и чиновники. Новая элита, в отличие от традиционной, самоопределяется «не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры» [11. С. 266]. Именно светская элита становится носителем национальных чувств и национальной (этнической) идентичности.

Набиравшие силу процессы конструирования наций и рост национальных движений в России стали еще одним фактором, оказавшим влияние на процессы этнизации диаспоральных институтов. Мощным импульсом, подтолкнувшим процессы институционализации и политизации этничности, стала революция 1905–1907 гг. Манифестом 3 июня 1907 г. правительство решило учитывать национальность депутатов и избирателей, ограничив избирательные права «инородцев», активно включившихся в политическую жизнь России. Это означало «превращение национальности в политическую категорию» и ее институционализацию. Одновременно утратили прежнее значение категории сословной и религиозной принадлежности [18. С. 80–81, 101–102].

Вслед за Европейской Россией в Сибири возникают светские культурно-просветительские организации, основной задачей которых было национальное просвещение. Воспитание национальных чувств «в духе обычаев и нравов еврейского народа» было главным направлением деятельности Общества распространения просвещения между евреями (ОПЕ) и Еврейского литературного общества, отделения которых были созданы в Томске и Иркутске. В мае 1914 г. в Томске открылась первая в Сибири библиотека-читальня ОПЕ, в ноябре 1915 г. – курсы для взрослых евреев, в декабре 1916 г. – Общество ремесленного труда [6. С. 81–83; 19. С. 43]. В 1915 г. появляется уникальное издание «Евреи в Иркутске» [4]. Инициатором этого знакового проекта стало Иркутское отделение ОПЕ. Сплотившие евреев идеи иудаизма «потеснились», освобождая место «для других сторон общинной жизни». Национальная светская культура и национальное просвещение становятся основой духовного развития. Формируются механизмы реализации этой задачи, новые институты этнической идентификации [16. С. 340]. В 1911–1912 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке действовало 21 еврейское училище разных типов, в которых обучались 532 ученика [19. С. 152].

Большая роль в этих процессах принадлежала политическим ссыльным, членам Бунда и сионистских социалистических партий, которые привнесли в жизнь сибирских общин «политику». Особенно заметной была деятельность сионистов, которые занимали ключевые позиции в еврейских организациях и провели два съезда: в 1903 г. в Томске и в 1912 г. в Иркутске. Социалистическую идеологию привносили в еврейскую среду Сибири политические ссыльные, члены социалистических сионистских организаций и Бунда. К моменту Февральской революции бундовских организаций в Сибири было только две – в Иркутске и Канске. При всех различиях в политических взглядах еврейские партии имели близкие позиции в отношении решения еврейского вопроса в России: самоуправле-

ние в форме экстерриториальной автономии на основе либо традиционной (ортодоксы), либо светской (социалисты) еврейской общины [6. С. 81–83; 20. С. 43].

Таким образом, к началу Первой мировой войны, окончательно похоронившей традиционную сословную систему, уже существовал мощный мировоззренческий фундамент, ставший плодородной почвой для чрезвычайно быстрой трансформации идентичности и институционализации этничности. Война сопровождалась процессами принудительных миграций и депортаций по национальному признаку, изменившими этнодемографическую структуру населения российской провинции [6. С. 68]. Беженцы и выселенцы, среди которых евреи составляли третью по численности национальную группу в Сибири после поляков и латышей, приезжали в составе полных семей (дети, старики), что сразу же сломало устоявшуюся демографическую и социальную структуру сибирских еврейских общин. Большинство новых мигрантов были бедняками, среди них было много сторонников Бунда. Беженцы встретили в Сибири других евреев, непохожих на них. Отсюда острое неприятие сибирских «богачей», что в значительной мере подготовило грядущую демократизацию общины. Депортационные процессы были лишь частью плана по классификации и категоризации индивидов. В проекте второй всеобщей переписи населения, запланированной на 1915 г., но отмененной из-за войны, было увеличено количество вопросов, касавшихся определения этнической принадлежности – о родном и разговорном языке, об образовании и грамотности на русском или другом языке и др. [18. С. 103–105]. Приписыванием этнической идентичности во время войны занимались и сами национальные общины через создание отделений Еврейского комитета помощи беженцам, которые своей деятельностью способствовали консолидации общин вокруг общей цели оказания помощи соплеменникам.

Февральская революция завершила процесс разрушения сословного устройства российского социума. В результате отмены Временным правительством всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений национальные меньшинства получили возможность создания национально-культурных объединений, свободу этнокультурного и политического самовыражения, что необычайно стимулировало процессы актуализации, политизации и мобилизации этничности в самых различных формах: политических, культурных, социальных, экономических. Отмена национальных ограничений уравнила евреев в правах, подвергавшихся при прежнем режиме наибольшей правовой дискриминации. В списке подлежащих отмене правовых актов значилось 140 законов, извлеченных из Свода Законов Российской Империи, которые в совокупности составляли целый «кодекс еврейского бесправия» [21. С. 115]. Для национальных меньшинств институционализация этничности становится не только способом выживания в условиях социальных катаклизмов, но и стратегической задачей, определяющей их развитие в условиях новой России. Период между февральской и октябрьской революциями был временем, когда институционализация этнической идентичности про-

исходила как изнутри – через национальную самоорганизацию³, так и при поддержке извне со стороны властных и общественно-политических структур.

На демократической волне, вызванной Февральской революцией, повсюду стали создаваться еврейские «общенациональные» учреждения, претендовавшие на представительство интересов своего народа – комитет еврейских общественных организаций в Иркутске, объединенный комитет еврейской общины в Красноярске [6. С. 133]. Основные проблемы, решаемые в этот период, концентрировались вокруг форм и способов решения «еврейского вопроса» в России. Центральное место занимал вопрос о демократической реорганизации еврейской общины, которой предназначалась роль «ядра» в системе национального самоуправления, формирующегося на основе национально-культурной (персональной) автономии. Иницилирующей и организующей силой национальной самоорганизации выступили политические партии, в первую очередь сионисты и Бунд.

Возрождались старые и создавались новые организации сионистов в Омске, Томске, Иркутске, Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Ачинске, Красноярске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Никольск-Уссурийске и других городах Сибири и Дальнего Востока. Руководство и координация их деятельностью были сосредоточены в руках Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского районных комитетов в Томске и Иркутске. Сионисты проявили колоссальную энергию, чтобы создать широкую сеть своих организаций, способную охватить *все* слои еврейского населения в регионе. Ортодоксальные сионисты опирались на молодежные организации – студенческой сионистской молодежи «Геховер»⁴, младосионистов «Цеире-Цион», «Тарбут», «Гистадрут» и др. В Томске издавался двухнедельный орган «Известия Западно-Сибирского районного комитета сионистских организаций», с начала 1918 г. выходивший под названием «Сионистская мысль» [6. С. 133–136; 22. С. 14, 19–20].

Большое значение сионисты придавали привлечению в свои ряды молодежи. Так, в Иркутске они организовали союз учащейся молодежи, а в сентябре 1917 г. провели конференцию учащейся молодежи, в работе которой участвовали делегаты от Томска, Мариинска, Петропавловска, Красноярска, Черемхова, Иркутска, Кабанска, Читы, Сретенска и Баргузина. Конференция постановила объединить различные по названию кружки («Кадима», «Гатхио», «Гашахар» и др.) в единый сибирский союз национально-еврейской молодежи «Гашахар» («Заря») с целью ее воспитания в духе сионизма. Просионистские молодежные группы и кружки «Кадима» действовали в Барнауле и Владивостоке. Кружок еврейской молодежи в Красноярске, формально внепартийный, издавал журнал «Первый луч», отдававший видимое предпочтение идеям сионизма [6. С. 135; 23. С. 105].

Важная роль в процессе национальной самоорганизации сибирского еврейства принадлежала решениям 3-го Всесибирского сионистского съезда, проходившего в ноябре 1918 г. в Томске, которыми была сформулирована программа культурно-просветительной работы,

направленная на консолидацию сибирского еврейства, «доселе чуждавшегося своего народа, незнакомаго со своей историей, литературой, искусством, своими национальными ценностями». Программа охватывала школьное и внешкольное образование на основе обучения на «иврисе», языке, «единственно способном» связать старую и новую еврейскую культуру, стать средством объединения евреев. Содержание образования должно было иметь «национальный характер», приобщать молодежь к «национальному коллективу и его духовным ценностям», в том числе через еврейскую музыку, театр. Это была часть плана подготовки «страны для народа и народа для страны» [6. С. 278–282; 24]. По решению съезда сионисты взяли на себя «почин» в организации в Сибири спортивных союзов «Маккаби». Вопрос о необходимости поощрять физическую подготовку евреев обсуждался на сионистских съездах еще до революции, где было сформулировано понятие «евреи с мускулами». Создавались они и в Сибири, например в Чите и Иркутске. Их целью, как было записано в уставе иркутского общества, зарегистрированного Иркутским окружным судом в июне 1919 г., было «содействие нравственному и физическому развитию еврейской молодежи». Особо оговаривалось, что языком команды в спортивных группах должен быть еврейский язык («иврис») [23. С. 110–111].

По решению 3-го съезда сионистов до восстановления связи с ЦК Сионистской организации в России (СОВР) Иркутское бюро выполняло функции общероссийского руководящего органа. Большое значение сионисты придавали легализации деятельности своего движения. В феврале 1919 г. члены Временного центрального исполнительного бюро (ВЦИБ), располагавшегося в Иркутске, М.А. Новомейский, А.М. Евзоров и З.И. Шкундин обратились в регистрационный отдел Иркутского окружного суда с заявлением о регистрации Устава Российской сионистской организации, в котором подчеркивались связь СОВР с Всемирной сионистской организацией (ВСО), приверженность принятой в 1897 г. в Базеле на Всемирном сионистском конгрессе программе деятельности. После восстановления связи с ЦК СОВР предусматривалась реорганизация ВЦИБ во Всесибирский краевой комитет Сионистской организации, а его печатного органа – в общесибирский орган [6. С. 323–324].

Основными оппонентами сионистов были бундовцы. В течение первых месяцев революции сеть бундовских организаций покрыла всю бывшую «черту еврейской оседлости». Организации Бунда возникли в центре России, на Кавказе, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Большинство организаций Бунда в Сибири образовалось в марте–мае 1917 г. Их организаторами были в основном бывшие политические ссыльные, а социальную базу составляли рабочие и ремесленники из числа беженцев. К сентябрю 1917 г. организации и группы Бунда существовали, по свидетельству «Сибирского вестника Бунда», не менее чем в 13 пунктах Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, Томск, Омск, Харбин, Чита, Владивосток, Новониколаевск, Маньчжурия, Урга и др.). Идеологи Бунда считали свою партию марксистской, являвшейся в своей

политической программе «выразителем последовательного меньшевизма» [6. С. 136–138; 22. С. 26–28].

При всех различиях, существовавших между сионистами и Бундом, а равно и между другими еврейскими партиями, все они имели близкий взгляд на проблему решения еврейского вопроса в России: самоуправление в форме экстерриториальной автономии на основе либо традиционной (ортодоксы), либо демократизированной (социалисты) еврейской общины. Поэтому после падения самодержавия всеми политическими течениями была поддержана идея созыва Всероссийского еврейского съезда, которая еще до революции выдвигалась еврейским историком С.М. Дубновым. Основным предметом межпартийных дебатов был вопрос о включении в программу съезда проблем возрождения еврейской государственности в Палестине, а также положения еврейского населения в Польше и Румынии.

Наряду с созывом Всероссийского еврейского съезда одной из ближайших задач в достижении разделяемой всеми еврейскими политическими партиями и течениями цели – устройства жизни евреев в России на основе национально-персональной (синонимы: культурной, экстерриториальной) автономии – являлась реорганизация традиционной еврейской общины на демократических началах. «Сионистская мысль», призывая строить новые общины, писала: «...Мы не можем вернуться к “коробке” и “казенному” раввину, к бесчисленным “хеврес”, большим и малым, опекавшим еврейство, мы не можем вернуться к правлению “балатим” и “пней”, к попечению общественных “благодетелей”. Жизнь властно требует новых форм автономии, новых форм быта» [6. С. 146].

После Февральской революции, когда возможность демократической реорганизации общин стала вполне реальной, деятельность общины раздваивается. С одной стороны, продолжала функционировать «старая» община, т.е. заплатившие членский взнос прихожане местных синагог и молитвенных домов и их хозяйственные правления. С другой стороны, еврейской общественностью обсуждается устройство «новой» демократизированной общины с широкими функциями, построенной по национальному принципу, – основы будущей национально-персональной автономии, потребовать которую у Всероссийского учредительного собрания предстояло Всероссийскому еврейскому съезду. Влияние старых правлений быстро убывает, переходя к общественным организациям и политическим партиям. Основная борьба развернулась между сторонниками национальной общины, сохраняющей в числе своих функций вопросы религиозного быта, и светской общины, в которой не должно было быть места основывающимся на религии институтам [6. С. 147].

Сионисты выступали с лозунгом «*демократической, самоуправляющейся, единой еврейской общины*», которая вместе с тем должна была сохранять конфессиональный характер. Эта формула означала, что община должна объединять всех евреев иудейского исповедания «без различия социального положения и мировоззрений». По замыслу сионистских идеологов, община должна была быть автономной в своем внут-

реннем самоуправлении, стать «своеобразным государством в государстве. Отстаивая универсальный характер общины, сионисты, с одной стороны, выступали против сведения ее функций к конфессиональным задачам, и в этом смысле были сторонниками «светской общины». В то же время они считали неприемлемым выделение религиозных функций из ведения общины, утверждая, что этот лозунг «ведет к неслыханному абсурду – предоставлению полных прав в общине *ренегатам*», т.е. евреям, отпавшим от иудаизма и принявшим христианство или другие вероисповедания.

Бундовцы отстаивали лозунг «*демократической светской общины*». Идеологи Бунда объясняли необходимость изъятия религиозных функций из компетенции общины тем, что новая демократическая община как публично-правовой институт всего русского еврейства, как местный орган национального самоуправления не может ведать делами, касающимися только части еврейства. Они считали, что точно так же, как демократическая Россия ставит своей задачей отделение церкви от государства, так и Бунд должен добиваться, чтобы все вопросы, относящиеся к религии и религиозным обычаям, были изъятые из ведения общины. Функции, связанные с социально-экономической помощью, должны были быть переданы в ведение городского самоуправления, а в общине должны быть сосредоточены лишь дела, касающиеся культурной жизни нации (школьное и просветительское дело, дошкольное и внешкольное образование, развитие литературы, искусства, устройство библиотек, музеев и т.п.). Культурные потребности еврейского народа должны удовлетворяться на родном языке еврейских народных масс – идише. Реорганизованная таким образом община должна была стать этапом на пути к осуществлению культурно-национальной автономии [6. С. 148].

В Сибири бундовцы на своей I конференции, проходившей в августе 1917 г. в Иркутске, заявили о решимости «стоять за передачу еврейских культурных учреждений реорганизованной общине» и создание в рамках общины автономной национальной школы с преподаванием на еврейском языке. Признавалось возможным преподавание еврейской истории и литературы на русском языке, который стал для сибирских евреев родным. Учитывая разногласия в подходах к реорганизации общины, было постановлено посылать представителей Бунда в организационные комитеты по реорганизации общины только при условии признания ими светского характера общины и ограничения ее функций культурными делами [Там же. С. 149].

Разница в подходах к вопросу о реорганизации общины привела к тому, что начавшаяся в апреле–мае 1917 г. подготовка к созданию новых общин затянулась. Отношения между политическими партиями были настолько конфликтными, что найти компромиссное решение оказалось чрезвычайно трудно. При общем мнении о необходимости демократической реорганизации старой замкнутой общины баланс сил в пользу того или иного решения вопроса на местах складывался по-разному. В итоге к началу 1918 г. ни одна из общин в Сибири не была реорганизована. И бундовцы, пози-

ции которых в сибирских общинах были значительно слабее, чем сионистов, вынуждены были пойти на компромисс. Вторая общесибирская конференция Бунда, проходившая в Иркутске в апреле 1918 г., признала необходимость «вести планомерную и систематическую работу», направленную на превращение благотворительных учреждений общины в органы социальной помощи, которые постепенно должны передаваться органам местного самоуправления. Для борьбы с «реакционно-клерикальными элементами» рекомендовалось «мобилизовать все демократические силы местного еврейского общества», координируя действия с социалистическими и радикальными группами, вплоть до заключения в отдельных случаях, с разрешения ОК, избирательных соглашений с ними. В области секуляризации общины впредь до решения этого вопроса в общегосударственном масштабе допускалось выделение религиозных функций общины в особый отдел, управляемый представителями религиозных групп населения [6. С. 149; 25. С. 67].

Однако постановление конференции мало способствовало успеху Бунда в борьбе за демократизацию общин. В первой половине 1918 г. были реорганизованы только общины в Благовещенске и Томске. Сионисты в Томске одержали убедительную победу: вместе с близкой к ним ортодоксальной группой «Ахдус» они провели в общинный совет 18 представителей, в то время как Бунд и беженский комитет – по три представителя, а «Поалей-Цион» – одного [6. С. 208; 25. С. 67–68].

Совершившийся 18 ноября 1918 г. переворот, в результате которого власть на востоке России перешла к правительству А.В. Колчака, мало сказался на судьбе еврейского населения Сибири. Продолжался процесс реорганизации общин, проводились выборы в общинные советы, формировалась их структура. Право участия в выборах предоставлялось всем евреям, достигшим 20 лет, без различия пола, за исключением состоявших под судом по уголовным делам и недееспособных. Выборы производились по партийным спискам. Основными соперниками выступали сионисты и социалистические партии (Бунд, «Поалей-Цион» и др.) Формировались и беспартийные списки. Неоднородность партийного состава общинных советов, в большинстве которых доминировали сионисты (к примеру, во Владивостоке сионистам принадлежало 15 из 23 мест в общинном совете) [27. С. 173–174], а социалистические партии составляли незначительное меньшинство, приводила к острым разногласиям и дискуссиям, чаще всего заканчивавшимся победой сионистов.

Структура формирующегося общинного самоуправления не была одинаковой. Совет общины выделял из своей среды исполнительный орган – общинную управу. Структурные подразделения (отделы и комиссии) различались между собой и по количеству, и по содержанию. Так, в совете Красноярской общины были созданы религиозный, культурно-просветительный, социально-экономический, финансово-хозяйственный отделы, а также отдел статистики, регистрации и метрикации. В Томском общинном совете, выборы в который прошли в мае 1918 г., но работа началась только осенью, было сформировано 6 отделов: культурно-

просветительный, социально-экономической помощи, финансовый, хозяйственный, призрения и народного здоровья, регистрации и статистики. Были также созданы комиссия по делам беженцев и ревизионная комиссия. Религиозные задачи в функции общинного совета в Томске не включались. Предполагалось, что в ведение совета перейдут все еврейские учреждения города. Бюджет общинных советов формировался на основе самообложения евреев, за счет благотворительности и других источников.

К январю 1919 г. реорганизация общин была осуществлена в Благовещенске, Баргузине, Томске, Омске, Иркутске, Красноярске, Мариинске, Верхнеудинске, Новониколаевске, Чите. Но в целом процесс реформирования общин затягивался, они были слабо связаны между собой, структура и функции формирующегося самоуправления в разных общинах были неодинаковы. Первоначальный энтузиазм, с которым еврейские деятели после февраля 1917 г. принялись реформировать старые общины, угас. Многие активисты общинного строительства поддались разочарованию и усталости. Как сообщалось в одной из газет, «только в двух-трех городах Сибири имелись общинные советы, правильно избранные, да и те – накануне распада. В остальных городах нет ни советов, ни хозяйственных правлений. Вся общинная работа ведется двумя-тремя лицами, по-семейному, без плана, без системы... Руководители устали от бессистемной работы, деятели поменьше вовлечены в общую вакханалию торгашества» [6. С. 311]. В таких условиях важно было придать общинному строительству новый импульс. Эта роль отводилась съезду еврейских общин Сибири, проходившему в январе 1919 г. в Иркутске.

Съезд рассмотрел широкий круг вопросов, касавшихся организационных форм, правового статуса и компетенции общин, источников финансирования и основных направлений их деятельности. По докладу М.А. Новомейского было принято решение об объединении еврейских общин Сибири и Урала в Союз общин. Каждое еврейское поселение, насчитывающее не меньше двадцати семей с числом не менее тридцати граждански совершеннолетних членов, образовывало общину, осуществляющую на территории поселения функции самоуправления через избранный на демократических началах исполнительный орган в лице общинного совета (ваада). Исполнительным органом ваады являлась общинная управа в составе трех, пяти и семи членов. Общины с числом семей менее пятидесяти могли ограничиться избранием одной общинной управы, избираемой на общем собрании ее членов тайным голосованием.

Предусматривалась широкая компетенция руководящих органов общины – советов и управ: содержание и поддержание институтов, ведающих культурно-просветительными делами, вопросами религиозного быта, социально-экономической помощи, народного здоровья, общественного призрения, регулирования переселения и эмиграции, метрикации, регистрации и статистики и др. Планировалось формирование централизованного управления общинами, объединенными в Союз еврейских общин Сибири и Урала. Высшим

органом Союза становился съезд, созываемый один раз в год. На съезде формировался представительный орган – Национальный совет, состоящий из представителей реорганизованных общин: по одному от общин, имевших не менее двухсот семей; по два – от общин, насчитывавших не менее 1 000 семей. В Национальный совет входили также представители областных объединений политических организаций и партий, насчитывающих не менее 400 членов в губерниях Сибири и Урала, по одному от каждой. Компетенция Национального совета включала решение всех задач, которые возлагались на него съездом и не могли быть разрешены отдельными общинами – в культурно-просветительной сфере, социальной помощи, эмиграции и др. Бюджет Национального совета составлялся из пропорциональных отчислений бюджетов отдельных ваадов. Избранный съездом исполнительный орган Национального совета обязывался принять в срочном порядке меры, которые бы узаконили публично-правовое положение еврейских общинных учреждений, их организационные формы и компетенции.

На общину возлагалась обязанность заботиться о материальном благополучии своих членов. Основной принцип хозяйственной жизни должен был заключаться не в филантропии, а строиться на основах «здоровой социально-экономической помощи и взаимопомощи». При каждом общинном совете создавался отдел социально-экономической помощи, регулирующий внутреннюю жизнь еврейского населения, развивая его самостоятельность, способствуя организации и развитию потребительских кооперативов и открытию кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, бирж труда. К числу важных социальных проблем был отнесен вопрос о беженцах, помощь которым рассматривалась как «общественное дело» каждой общины. Исполнительному органу поручалась организация специального руководящего органа, объединяющего все беженское дело в регионе.

Религия, как фактор сохранения «народа в течение многих веков», включалась в круг компетенции еврейских общин. Общине следовало заботиться «об удовлетворении и регулировании религиозных потребностей еврейского населения данной местности» и избирать раввина на основе общих выборов. Предусматривалось формирование верховного раввината, избираемого съездом раввинов Сибири и Урала. Представителю раввината предоставлялось право решающего голоса в исполнительном органе Национального совета и его пленума при решении религиозных проблем. Община обязывалась заботиться о предоставлении всем нуждавшимся «кошерной пищи». Национальному совету предписывалось добиваться замены воскресного отдыха субботним.

Съезд постановил создать единую еврейскую школу, где языком преподавания всех предметов, кроме государственного языка, становился древнееврейский язык «иврис», без которого было «немыслимо возрождение еврейского народа». Съезд постановил составлять программу обучения в соответствии с педагогической теорией и практикой так, чтобы школа могла осуществлять «возлагаемые на нее национальные и

просветительские задачи». Кроме этого, община обязывалась решать просветительские задачи дошкольного и внешкольного образования. Важной задачей Национального совета становилось обеспечение школ учителями на основе организации специальных подготовительных курсов.

Признавая печатное слово «могущественным средством национализации еврейства», съезд отнес издательскую деятельность к числу важнейших задач Национального совета. В первую очередь рекомендовалось удовлетворить острую нужду в учебниках для еврейской школы и в молитвенниках и приступить к изданию собственного печатного органа на русском языке, а по возможности и на еврейском и разговорно-еврейском языках. С февраля 1919 г. по решению съезда в Иркутске стал выходить еженедельный общественно-политический журнал «Еврейская жизнь». Цель издания, как говорилось в передовой статье первого номера, заключалась в том, чтобы отражать и освещать еврейскую общественную жизнь в России и в мире.

Большое значение придавалось «участию общин в деле национального строительства в Палестине». Признавая «невозможность нормальной национальной жизни всякого народа без своей территории», национальное строительство в Палестине – «делом всего еврейского народа», а ее экономическое возрождение зависящим от самостоятельности народа, съезд постановил включить работу по палестиностроительству в круг ведения общин Сибири и Урала. С этой целью при общинных советах учреждались палестинские комиссии, в задачи которых включались регулирование еврейской эмиграции в Палестину, поддержка палестинских институтов социально-экономического и культурного характера, активное участие во всех областях национального строительства в Палестине. Особое внимание комиссии обязывались уделять содействию Еврейскому национальному фонду в выкупе земли и предоставлении ее в собственность всего народа, Пионерскому фонду и группам «Гехолуц», готовящим переезд в Палестину «для укрепления там позиций еврейского труда» [6. С. 311–314; 22. С. 224–233].

Решения Иркутского съезда активизировали процесс реорганизации тех общин, где это еще не было сделано. Как сообщала «Еврейская жизнь», «...после длительной борьбы была побеждена косность и... приступлено, наконец, к организации выборов общинного совета на демократических началах» в Ачинске. 20 февраля собранием сионистской организации в Харбине был утвержден список на выборах в общинный совет. 5 марта вопрос о предстоящих выборах в общинный совет обсуждался на объединенном заседании ваадов еврейских обществ и политических организаций в Тобольске. На собраниях реорганизованных общин разрабатывались и обсуждались уставные документы. Одной из первостепенных задач, которую необходимо было решать, являлся перевод функций культурно-просветительных и благотворительных еврейских обществ – ОПЕ, ОЗЕ, ЕКОПО, пособия бедным евреям и др. – в ведение общинных ваадов. Большие трудности вызывало налаживание финансовой деятельности общинных советов. Практически невоз-

можно было введение подоходного налога, самообложение членов общин не позволяло покрывать все расходы общин. Финансовым комиссиям приходилось прибегать к старым способам добывания средств – устройству концертов, лотерей, спектаклей [6. С. 315–316]. Поэтому именно культурно-просветительная деятельность, направленная на формирование национального самосознания через приобщение к национальной культуре, оставалась наиболее заметной в условиях гражданской войны.

Практическая задача по ее реализации возлагалась на общинные культурно-просветительные отделы и общество «Гарбут», отделения которого функционировали в Томске, Омске, Иркутске, Благовещенске. С его помощью в феврале 1919 г. открылись курсы по изучению еврейского языка и литературы в Иркутске. В июне 1919 г. в Томске стали действовать педагогические курсы по подготовке учителей начальных классов для школ Сибири. В программу курсов были включены предметы по изучению методики преподавания еврейского языка, истории, Библии в школе, основы педагогики и др. При курсах была организована бесплатная детская площадка [22. С. 181, 198–199].

Однако заметных сдвигов в реформировании общин не произошло. Во Владивостоке, например, старый совет общины признал необходимость реформирования только в конце декабря 1919 г. Слишком неблагоприятной для размеренного общинного строительства была общественно-политическая ситуация. Показательна в этом смысле судьба еврейской общины Кустаная. Приказом начальника гарнизона от 25 февраля 1919 г. было предписано «ввиду крайне осложнившегося квартирного вопроса... выселить из города в уезд за 100 верст от железной дороги всех евреев и военнообязанных, без различия национальностей». Выселению не подлежали только «нужные люди» – врачи, фельдшеры, служащие аптек и аптекарских магазинов, а также служащие на электрической станции. За укрывательство и содействие укрывательству назначался штраф до 3 тыс. руб. или трехмесячное тюремное заключение. Приказ предусматривал его безусловное исполнение в течение 7 дней, но так как он был опубликован только 28 февраля, выселяемые вынуждены были покинуть город за четыре дня, распродав за бесценок свое имущество. Городская дума предпочла не реагировать на этот антисемитский приказ. В результате кустанайская община, ведущая свое существование с 1909 г., распалась. Часть ее членов переехала в Боровое, часть – на восток [26. С. 95–96]. Нелегко пришлось в условиях режима атамана И.П. Калмыкова Хабаровской общине, сократилась ее численность, многие выехали в Харбин [27. С. 147].

Хотя в Сибири антисемитизм не получил столь широкого распространения как, например, на юге России и Украине, его проявления все же имели место, особенно в армейской среде. Национальный совет собрал множество фактов проявлений антисемитизма в Сибирской армии: евреев-добровольцев не принимали в военные училища и школы младших командиров, отстраняли от должностей переводчиков, писарей и т.п., офицеров-евреев во Владивостоке ставили на

особый учет и т.д. О тревожном положении евреев в прифронтовой полосе отделение Национального совета в Омске попыталось поставить в известность правительство, обратившись 10 марта 1919 г. к главе Совета министров П.В. Вологодскому с докладной запиской, в которой сообщалось, что в Челябинске «образовалась группа лиц, поставивших цель вести в войсках пропаганду антисемитизма и разжигания националистических страстей». К записке прилагались прокламации, распространяемые в Челябинском направлении прифронтовой полосы. Тот факт, что антисемитская карта в Сибири разыгрывалась в меньшей степени, чем на Юге, объяснялось, очевидно, меньшей остротой «еврейского вопроса» для Сибири и личными взглядами руководителей колчаковской пропаганды и редакторов сибирских газет. Во всяком случае, помощник руководителя Русского бюро печати, известный публицист Н.В. Устрялов упоминает лишь два «досадных случая антисемитских выпадов» в изданиях бюро [6. С. 316–321]. Несмотря на то, что источником антисемитской агитации нередко являлся штаб Верховного главнокомандующего, сам адмирал Колчак, судя по воспоминаниям современников, антисемитом не был. Еврейские общественные деятели в Сибири отмечали «самое благожелательное отношение со стороны представителей высшей власти». О том, что Колчаку не был присущ антисемитизм, свидетельствовал М.М. Винавер, известный еврейский общественный деятель и один из лидеров партии кадетов. На встрече, посвященной положению российского еврейства, которая была организована 5 июня 1919 г. в Париже комиссией Всемирного еврейского союза⁵, Винавер заявил, что личное знакомство с А.В. Колчаком и А.И. Деникиным позволяет утверждать, что ни тот ни другой не являются реакционерами и антисемитами [28. С. 531; 29. С. 375–376].

В отличие от сионистских организаций, большинство бундовских групп и организаций в Сибири, как и других организаций социалистической направленности, в условиях колчаковской власти распалось. Левые элементы Бунда сближаются с большевиками, устанавливая связь с подпольными большевистскими организациями, и фактически отходят от Бунда. Остальные руководили деятельностью своих фракций в еврейских общинах, рабочих клубах и т.п. В ноябре 1918 г. в Иркутске был образован рабочий клуб «Цукунфт». После съезда еврейских общин было решено расширить сферу и масштабы деятельности рабочего клуба и образовать в противовес Национальному совету евреев Сибири и Урала сибирскую лигу еврейской культуры «Цукунфт» (сибирер идише культурлиге «Цукунфт»). Лига была зарегистрирована Иркутским окружным судом в апреле 1919 г. Ее деятельность распространялась на всю Сибирь, включая Дальний Восток и Приуралье, правление находилось в Иркутске. Главная цель лиги, как говорилось в уставе, заключалась в «содействии развитию светской культуры на еврейском языке (идиш) во всех отраслях человеческого творчества» – литературе, искусстве, науке, музыке, театре, народном образовании, физическом воспитании. Особо подчеркивалось, что «официальным национальным

языком еврейского народа» должен быть признан идиш. Устав лиги предусматривал возможность создания и развития учебно-воспитательных заведений (школ, гимназий, детских садов, курсов, учительских семинарий), театрально-концертной деятельности (хоров, театров, оркестров, художественных студий), открытия библиотек, книжных и музыкальных магазинов, издания газет, журналов и книг. Кроме Иркутска, отделения лиги были созданы в Новониколаевске, Ачинске, Канске, Красноярске, Верхнеудинске, Владивостоке и Харбине. Лига имела свое книгоиздательство и книжный магазин, издавала ежемесячник «Цукунфт», книги о еврейских писателях, пишущих на идиш – И.-Л. Переце и Шолом-Алейхеме [6. С. 325–326; 30. С. 77–80]. В целом, однако, влияние бундовцев на умонастроения еврейского населения Сибири оставалось незначительным вплоть до окончания гражданской войны.

Таким образом, на всем протяжении гражданской войны на востоке страны сохранялись возможности для институционализации этнической идентичности евреев через политическую и общественную деятельность, демократическую реорганизацию общин, создание национальных организаций (политических, культурных, спортивных), национальных школ, а также на дискурсивном уровне – язык лекций, докладов, литературы, обращение к исторической памяти. В этих процессах шла борьба за осуществление двух «национальных проектов» решения еврейского вопроса – сионистов и Бунда. Оба варианта предусматривали создание системы национального самоуправления в форме культурно-национальной (национально-персональной) автономии на основе реорганизованных на демократических началах общин. Одновременно велась активная сионистская деятельность, направленная на освоение Палестины и создание национального государства.

С установлением советской власти все общинные учреждения были ликвидированы. Так, Омский губревком сразу после занятия города Красной Армией ликвидировал почти все структуры общинного совета. Отделу социального обеспечения и призрения был передан дом дешевых квартир, построенный на средства местной общины и «Джойнта». К этому же отделу перешло общежитие для инвалидов. Отдел народного здоровья взял в свое ведение выстроенную общиной больницу. К нему же перешла и школа общины. Президиум Омского общинного совета попытался найти управу на действия губревкома, обратившись в конце января 1920 г. с докладной запиской в Сибирский революционный комитет (Сибревком). В ней был поднят вопрос «об общем отношении» советской власти в Сибири к органам еврейского национального самоуправления. Подчеркивалось, что речь идет о «коллективном праве народа иметь свои органы национального самоуправления», сущность которого состоит, во-первых, в том, что «евреи как нация имеют свой представительный орган, который полномочен говорить от имени еврейского народа», и во-вторых, что «учреждения еврейской национально-персональной (а не территориальной) автономии удовлетворяют те специфические

нужды в области образования, социального обеспечения и пр., которые не покрываются общими заботами государства» [6. С. 325–326]. Прекращают свою деятельность и сионистские организации, а затем и Бунд. Летом 1920 г. постановлением Иркутского губревкома была запрещена деятельность сионистских организаций.

И все же советская власть не могла не учитывать масштабы процессов институционализации этничности и поэтому на первых порах способствовала их развитию, но без конфессиональной составляющей. Институционализация этничности по-советски осуществлялась посредством введения категории «национальность» / «национальная принадлежность» в переписи

населения, паспорта, разного рода анкеты и другие персональные документы. Активно пропагандировались символические признаки национальной (этнической) идентичности – национальные языки, музыка, одежда, кухня. Однако переформатирование общества по национальному признаку сочеталось с постепенным вытеснением этничности из публичного дискурса и практик повседневной жизни. Но, как оказалось, не навсегда. Глобальные социальные трансформации конца XX – начала XXI в., сопровождающиеся ростом транснациональных миграций, вновь актуализировали проблему институционализации этничности и на дискурсивном, и на визуально-аудиальном уровне и для евреев России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правовые ограничения не касались потомков всех перечисленных категорий, а также членов семей, добровольно следующих за ссыльными и каторжанами, и достаточно широкого круга льготников периода великих реформ (механики, дипломированные специалисты, приказчики, аптекари, повивальные бабки, врачи и т.д.). Право свободного жительства в Империи имели евреи-выкrestы, католики и представители других вероисповеданий.

² До 1896 г. за сибирскими евреями признавалось право свободного передвижения по всей Сибири, за исключением 100-верстной пограничной полосы. 26 апреля 1896 г. последовал указ Правительствующего сената по делу еврея Мариупольского, в котором разъяснялось, что евреи в Сибири имеют право проживать вне места их приписки лишь временно. С этого момента местом постоянной оседлости сибирских евреев считался тот город или село, где они были приписаны. По сути дела, Сенат прикрепил евреев даже не к месту их жительства, а к тем селам и деревням, к которым они или их предки были когда-то приписаны. В 1903 г. последовало разъяснение Сената, что «специальной чертой оседлости» для сибирских евреев признается тот уезд, в котором они состоят на причислении [6. С. 78–80].

³ После Февральской революции идея национально-персональной (культурно-национальной) автономии становится программным лозунгом многих национальных движений и большинства политических партий (кадетов, эсеров, меньшевиков).

⁴ Организации студентов-сионистов «Геховер» возникли в 1911–1912 гг. в Западной Европе. Их задачей была борьба против ассимиляторских тенденций и за национальное самоопределение студентов-евреев, выходцев из России. С началом Первой мировой войны кружки «Геховера» в Германии, Австрии и Бельгии прекратили свое существование. Большинство студентов возвратилось в Россию. Преемником европейского «Геховера» стал российский «Геховер», который вел счет своего существования от учредительной конференции в Базеле в 1911 г. В августе 1914 г. в Петербурге, где было сосредоточено наибольшее количество студентов-евреев, был образован Центральный комитет. Отсюда он распространял свое влияние на все университетские города России. Первая конференция «Геховера» в России состоялась в 1915 г. Конференция констатировала, что целью «Геховера» является «подготовка активной сионистской интеллигенции, опытной в организационном отношении и образованной в отношении национальном» [31. С. 299–304].

⁵ Всемирный еврейский союз был создан в 1860 г. в Париже для оказания помощи евреям в области защиты гражданских прав. Впоследствии его деятельность сосредоточилась преимущественно на сфере образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.
2. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. М. : РОССПЭН, 2009. С. 202–221.
3. Малахов В.С. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. М. : Гендальф, 2001. С. 115–137.
4. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 393 с.
5. Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2008. С. 86–90.
6. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
7. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 6–14.
8. Рабинович В.Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск : Кларетианум, 2002. 240 с.
9. Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопросы. 1939. № 35. С. 15–19.
10. Максимов С.В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб., 1871. Ч. 1: Несчастные. 459 с.
11. Дятлов В.И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднеимперской России // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 263–269.
12. Города России в 1910 г. СПб., 1914. 1200 с.
13. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт, 2001. 176 с.
14. Рабинович Я.И. В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. М., 2001. Кн. 1.
15. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 242 с.
16. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 423 с.
17. Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.) Красноярск : Красноярский писатель, 2009. 328 с.
18. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.
19. Нам И.В. Еврейские школы в Сибири (конец XIX в. – начало 1919 г.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : сб. материалов VI регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 августа 2005 г. Красноярск–Барнаул : Кларетианум, 2005. С. 148–164.
20. Нам И.В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX – XX начало в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 34–49.
21. Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим ; М., 2002. С. 115–158.

22. Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 г.). Красноярск : Кларетианум, 2003. 272 с.
23. Наумова Н.И. Еврейские молодежные организации Сибири в годы Гражданской войны // Евреи Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск : Красноярский писатель, 2007. С. 102–113.
24. Наумова Н.И. 3-й Всесибирский сионистский съезд (ноябрь 1918 г.) // Евреи в Сибири : сб. ст. Томск, 2000. С. 26–34.
25. Нам И.В. Демократизация еврейских общин Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917–1918 гг.) // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск-Иркутск, 2001. Вып. 6: Материалы II регион. науч.-практ. конф. (25–27 августа 2001 г.). С. 64–70.
26. Рабинович В.Ю. Жизнь евреев Сибири и Урала в 1919 г.: рассказывают документы // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 90–99.
27. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке: история взаимоотношений (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) Красноярск : Кларетианум, 2001. 292 с.
28. Будницкий О.В. Русский либерализм и еврейский вопрос (1917–1920) // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 517–541.
29. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. : РОССПЭН, 2005. 552 с.
30. Наумова Н.И. Лига «Цукунфт» и ее деятельность. 1918–1919 гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск : Кларетианум, 2004. Вып. 7. С. 77–80.
31. Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим : Библиотека Алия, 1977. 455 с.

Iraida V. Nam, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

Natalia I. Naumova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomnin@yandex.ru

Vladimir Yu Rabinovich, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rabinovichv@mail.ru

‘TO BE JEWISH’: THE INSTITUTIONALISATION OF JEWISH IDENTITY IN SIBERIA DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Keywords: Siberia, Jews, institutionalisation, identity, ethnicity.

The article examines the mechanisms and practices of institutionalisation of the Siberian Jews’ ethnic identity (ethnicity) during the Revolution and the Civil War from 1917 to 1919, where ethnic identity is understood by the authors in symbolic terms. On the basis of analysis of a wide spectrum of historiographic materials, the authors show that the decay of estate and confessional system in the Russian Empire by the early twentieth century was followed by the emergence of secular institutions, which constituted one of the factors in the rise and politisation of ethnicity. Another factor included the process of nation building and national movements. A number of distinctive features can be attributed to the institutionalisation of ethnicity in the Siberian society, including among the local Jews, who opted for a diasporic model of integration. The Revolution of 1905-1917, the First World War and the Civil War all acted as mobilising factors with regard to this process. The period between the February and the October Revolutions became the time when the institutionalisation of ethnic identity was taking place from both within – through national self-organisation – and from outside – with support from power and political institutions. Of central importance was the question of democratic reorganisation of the Jewish community which was to play the role of the ‘core’ of the system of national self-government on the basis of national-cultural (personal) autonomy. The driving force behind this became political parties, first of all, Zionists and the Bund. The Zionists advocated a ‘*democratic, self-governing and united Jewish community*’ which had to retain its religious character. The Bund followers supported the idea of a ‘*democratic secular community*’. According to both approaches, a system of national self-government had to be created in the form of cultural and national (national-personal) autonomy which would encompass the reorganised Jewish communities. The institutionalisation of Jewish ethnicity in the east of the country was still possible throughout the Civil War – through political and social activity, the democratic reorganisation of the Jewish communities, and the creation of Jewish organisations (political, cultural and sport ones) and schools, but also on the level of discourse (narrative) – through exploration of historical memory. With the establishment of Soviet power, however, all the communities were eradicated. The institutionalisation of ethnicity under the Soviet government meant the introduction of the ‘nationality’ category for censuses, in passports and on different types of application forms and other personal documents. Actively propagandised were symbolic aspects of national (ethnic) identity such as national languages, music, clothes, and cuisine. Reforming the society this way was gradually forcing ethnicity out of public discourse and the practices of everyday life.

REFERENCES

1. Ostrovsky, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Osipov, A.G. (2009) Mekhanizmy institutsionalizatsii etnichnosti [Ethnicity institutionalization mechanisms]. In: Panov, P.V., Sulimov, K.A. & Fadeeva, L.A. (eds) *Soobshchestva kak politicheskiy fenomen* [Communities as a Political Phenomenon]. Moscow:ROSSPEN. pp. 202–221.
3. Malakhov, V.S. (2001) Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikt [Symbolic production of ethnicity and conflict]. In: Olcott, M.B. & Semenov, I. (eds) *Yazyk i etnicheskii konflikt* [Language and Ethnic Conflict]. Moscow: Gendal’f. pp. 115–137.
4. Voytinsky, V.S. & Gornstein, A.Ya. (1915) *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk: [s.n.].
5. Kalmina, L.V. (2008) [Diasporas in Siberia: patterns and characteristics of integration (mid-19th – early 20th centuries)]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i formiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii* [Adaptation mechanisms and practices in traditional and emerging societies: the experience of developing Asian Russia]. Proc. of the All-Russian Conference. Novosibirsk, November 17–18, 2008. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izd-vo. pp. 86–90. (In Russian).
6. Nam, I.V. (2009) *Natsional’nye men’shinstva Sibiri i Dal’nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Dyatlov, V.I. (1996) Evrei: diaspora i “torgovyy narod” [Jews: the diaspora and the “trading people”]. *Sibirskiy evreyskiy sbornik*. 2. pp. 6–14.
8. Rabinovich, V.Yu. (2002) *Evrei dorevolyutsionnogo Irkutska: menyayushcheesya men’shinstvo v menyayushchemsya obshchestve* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoyarsk: Kletarianum.
9. Moravsky, V. (1939) Sibirskie evrei i konstitutsiya [Siberian Jews and the Constitution]. *Sibirskie voprosy*. 35. pp. 15–19.
10. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir’ i katorga* [Siberia and Katorga]. St. Petersburg: A. Transhel.
11. Dyatlov, V.I. (2012) Mekhanizmy adaptatsii predstaviteley migrantskikh men’shinstv v pereselencheskom obshchestve vostoka pozdneimperskoy Rossii [Adaptation mechanisms for representatives of migrant minorities in the East resettlement society of late-imperial Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gos. universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2(3). pp. 263–269.
12. Karelin, A.P. (ed.) (1914) *Goroda Rossii v 1910 g.* [Russian Cities in 1910]. St. Petersburg: [s.n.].
13. Levin, Z.I. (2001) *Mentalitet diaspor (sistemnyy i sotsiokul’turnyy analiz)* [The diaspora mentality (a systemic and sociocultural analysis)]. Moscow: Kraft.

14. Rabinovich, Ya.I. (2001) *V poiskakh sud'by. Evreyskiy narod v krugovorote istorii* [In search of fate. Jewish people in the cycle of history]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.
15. Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Jews in the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
16. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (mid-19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: VSGAKI.
17. Orekhova, N.A. & Kofman, Ya.M. (2009) *Evreyskie obshchiny na territorii Eniseyskoy gubernii (XIX – nachalo 30-kh gg. XX vv.)* [Jewish communities on the territory of the Yenisei province (the 19th – early 1930s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
18. Cadio, J. (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1890–1940* [Laboratory of the Empire: Russia / USSR, 1890–1940]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Nam, I.V. (2005) *Evreyskie shkoly v Sibiri (konets XIX v. – nachalo 1919 g.)* [Jewish schools in Siberia (late 19th – early 1919)]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk; Barnaul: Klaretianum. pp. 148–164.
20. Nam, I.V. (2014) Institutionalization of Ethnicity in Siberian Resettlement Society (late 19th – early 20th Century). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 10. pp. 34–49. (In Russian).
21. Goldenweiser, A.A. (2002) *Pravovoe polozhenie evreev v Rossii* [The legal status of Jews in Russia]. In: Goldenweiser, A.A. & Aronson, G. (eds) *Kniga o russkom evreystve: ot 1860-kh godov do revolyutsii 1917 g.* [Book on Russian Jewry: from the 1860s to the 1917 Revolution]. Jerusalem; Moscow: Mosty kultury. pp. 115–158.
22. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2003) *Evreyskaya diaspora Sibiri v usloviyakh smeny politicheskikh rezhimov (mart 1917 – fevral' 1920 g.)* [The Jewish diaspora of Siberia in the changing political regimes (March 1917 – February 1920)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
23. Naumova, N.I. (2007) *Evreyskie molodezhnye organizatsii Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [Jewish youth organizations in Siberia during the Civil War]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Krasnoyarsk; Barnaul: Klaretianum. pp. 102–113.
24. Naumova, N.I. (2000) *3-y Vsesibirskiy sionistskiy s"ezd (noyabr' 1918 g.)* [The 3rd All-Siberian Zionist Congress (November 1918)]. In: *Evrei v Sibiri* [Jews in Siberia]. Tomsk: [s.n.]. pp. 26–34.
25. Nam, I.V. (2001) *Demokratizatsiya evreyskikh obshchin Sibiri v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917–1918 gg.)* [Democratization of the Jewish communities in Siberia during the Revolution and Civil War (1917–1918)]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evreyskie obshchiny Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Jewish Communities of Siberia and the Far East]. Issue 6. Krasnoyarsk-Irkutsk: Klaretianum. pp. 64–70.
26. Rabinovich, V.Yu. (1996) *Zhizn' evreev Sibiri i Urala v 1919 g.: rasskazvyayut dokumenty* [The Life of the Jews of Siberia and the Urals in 1919: Documents Tell]. *Sibirskiy evreyskiy sbornik. 2.* pp. 90–99.
27. Romanova, V.V. (2001) *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke: istoriya vzaimootnosheniy (vtoraya polovina XIX – 20-e gody XX v.)* [Power and Jews in the Far East: a history of relations (the second half of the 19th and 1920s)]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
28. Budnitsky, O.V. (2002) *Russkiy liberalizm i evreyskiy vopros (1917–1920)* [Russian liberalism and the Jewish question (1917–1920)]. In: Korableva, E.Yu. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki* [Civil War in Russia: Events, Opinions, Assessments]. Moscow: Raritet. pp. 517–541.
29. Budnitsky, O.V. (2005) *Rossiyskie evrei mezdu krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between the Reds and the Whites (1917–1920)]. Moscow: ROSSPEN.
30. Naumova, N.I. (2004) *Liga "Tsukunft" i ee deyatel'nost'. 1918–1919 gg.* [The Zukunt League and its activities. 1918–1919]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Jews in Siberia and the Far East: history and modernity]. Issue 7. Krasnoyarsk: Klaretianum. pp. 77–80.
31. Maor, I. (1977) *Sionistskoe dvizhenie v Rossii* [Zionist movement in Russia]. Jerusalem: Biblioteka Aliya.